

А.В. Смирнов

Самоотношение и гендерно-ролевой стресс

Введение

Гендер, или психологический пол является одной из важнейших составляющих самосознания в качестве характеристики личности и поведения человека с точки зрения стереотипов маскулинности – феминности, формирующихся под социокультурным влиянием. На процесс становления психологического пола оказывают влияние наряду с биологическими и социокультурные факторы, обусловленные социально-экономическими характеристиками данного общества (*Шальгина, 1985*). Для каждого типа общества существует своя пол-ролевая модель, но в общем распределение социальных ролей женщин и мужчин строится с учетом биологических и физиологических половых различий, соответственно принципу природной целесообразности (*Аболин, 1999*).

В связи с наличием некоторого отставания от зарубежных коллег мы вынуждены заимствовать у них многие концепции, иногда не уделяя достаточно внимания критическому их анализу. Так называемые гендерные исследования часто имеют оттенок ангажированности, не важно, социально-политической или научно-парадигмальной (достаточно вспомнить «женские исследования» 1960–1970-х годов, в которых понятие гендера было сформировано и использовалось в контексте феминизма).

Именно из-за тесной связи такого рода исследований с социальной ситуацией и возникло избирательное внимание широкой публики, быстро перенявшей в сильно упрощенном виде соответствующие концепции и связанные с ними термины «гендер», «маскулинность», «феминность» и др. в отрыве от научного контекста. Эти термины используются для подтверждения собственных установок и взглядов или идеологических схем, часто ими оперируют, не замечая возникающих противоречий. Выхолащивание смысла гендерных теорий приводит к возникновению избыточных сущностей (вроде широко

разрекламированного «метросексуала»), которые могут становиться мощным средством влияния на массовое сознание.

Гипотезы

В контексте данного исследования нас интересовало взаимодействие аффективной составляющей «Я-образа» личности и ее гендерной идентичности. Легко понять, что самоотношение индивида зависит от проработанности «образа Я» и его внутренней непротиворечивости. Гендерная роль, навязываемая обществом, может не соответствовать внутренним интенциям личности и ее ресурсам, и возникающее *гендерно-ролевое напряжение* неизбежно должно привести к рассогласованиям внутри «образа Я». Действительно, такого рода *гендерно-ролевой стресс* удалось обнаружить (Pleck, 1981, 1987). Интересно, что описан он был у мужчин в состоянии нервного напряжения, возникающего, когда индивиду трудно поддерживать стандарт традиционной гендерной роли, или когда он вынужден проявлять поведение, характерное для противоположной гендерной роли.

В соответствии с целями и задачами исследования было сформулировано несколько гипотез:

1. Показатели самоотношения, андрогинности, феминности и маскулинности различаются по степени выраженности и пропорциональности в разнополых выборках.
2. Выраженность высокой степени андрогинности как интегративной характеристики полоролевого стереотипа коррелирует с высоким уровнем глобального самоотношения. Согласно пониманию С. Бем, андрогинность предполагает большую социальную компетентность индивида, нежели полюсные характеристики. Вероятно, андрогинность более выражена у женщин.
3. Глобальное самоотношение коррелирует скорее с маскулинностью, чем с феминностью в обеих выборках. Мы предполагаем, что процесс социоэкономических трансформаций современности диктует более жесткий стиль межличностных

взаимоотношений, поэтому показатели маскулинности у женщин будут сравнимы с мужскими.

4. У женщин разноуровневые одноименные частные характеристики самоотношения связаны в большей мере.

5. Существуют определенные паттерны частных характеристик самоотношения, специфически связанные с гендером. Хотя андрогинность, феминность и маскулинность применяются, как правило, в качестве континуальных характеристик, мы считаем возможным говорить о *типе* личности в зависимости от превалирования высоких показателей какой-либо из перечисленных характеристик, т. е. мы используем эти характеристики в качестве типологических.

В соответствии с целями исследования в качестве респондентов нами были выбраны юноши и девушки – студенты 1–3 курсов искусствоведческого и историко-филологического факультетов РГГУ и аналогичным образом подобранные по возрасту учащиеся Московского колледжа художественных ремесел. Представители учебных заведений гуманитарных направлений были нами выбраны в соответствии с предположением, что специальность, связанная с ремеслом, и специальность, не связанная с материально-производственной сферой, позволят получить разные результаты, обусловленные различиями среды общения испытуемых. Вторая причина такой специфической выборки состоит в проблематичности нахождения в образовательных учреждениях разного уровня аналогичных по сфере специальности студентов.

В исследовании в качестве респондентов участвовали 100 человек (50 юношей и 50 девушек), средний возраст которых составил 19 лет. По мнению некоторых авторов (Кон, 1988), в данном возрасте полоролевые стереотипы особенно контрастны (что объясняется влиянием усвоенных представлений при недостаточности собственного опыта), а «образ Я» весьма лабилен.

Респондентам предлагался комплект тестов. Для исследования аффективного аспекта «образа Я» нами был выбран опросник самоотношения В.В. Столина, который базируется на теоретических кон-

структах концепции уровневого строения самосознания (Бодалев, Столин, 2000) и представляет собой инструмент для наиболее полного и многомерного исследования данного явления, позволяющий выявить также личностные механизмы защиты самоотношения. Для определения полоролевой идентичности индивида наиболее подходящим оказался тест С. Бем, адаптированный О.Г. Лопуховой для русскоязычной выборки (Лопухова, 2001). В результате отбора качеств, получивших максимально сходную полоролевую и эмоциональную оценку в разных этнокультурных группах (что немаловажно для российских условий), О.Г. Лопухова сконструировала шкалы, которые содержат качества универсального, общекультурного порядка, характеризующие психологический пол личности. Таких качеств в русскоязычном варианте осталось 42 (против 60 оригинальных). Корреляционный и факторный анализ данных проводился в статистическом пакете SPSS-10.

Выводы

1. У современных российских юношей и девушек выраженность полоролевых стереотипов по таким переменным, как феминность (0,001), андрогинность (0,005) и уровень самоотношения (переменные ожидаемое отношение других людей – 0,000, интегральное самоотношение – 0,004) отличаются. Показатели самоотношения и полоролевого стереотипа различаются по степени выраженности и соотношению своих частных составляющих.
2. Андрогинность выступает в качестве интегративной характеристики полоролевого стереотипа и коррелирует с высоким уровнем глобального самоотношения (0,488, ур. зн. 0,001). По результатам факторного анализа выяснилось, что андрогинность наряду с некоторыми частными составляющими самоотношения (самоуважение – 0,732, аутосимпатия – 0,814, ожидание отношения других – 0,766, самоуверенность – 0,825, самопринятие – 0,789, самоинтерес – 0,718) и маскулинностью

(0,666) образуют единый фактор, характеризующий эмоциональное благополучие в аффективном аспекте «Я-концепции».

3. Андрогинный тип личности доминирует в выборке по количественным показателям (95%). Такая высокая представленность андрогинного типа личности в выборке при учете связи андрогинных характеристик с высоким уровнем глобального самоотношения подтверждает постулат теории андрогинности о преобладании и адаптивности такого типа личности. Причем у женщин выраженность андрогинных характеристик выше, чем у мужчин, и они связаны в большей мере с сознательным, конкретным уровнем самоотношения при наличии разрыва между уровнями.

4. Тенденция феминизации мужчин действительно существует, но она не связана с уменьшением маскулинных качеств. Очевидно, это явление связано с неосознаваемыми попытками разрешить гендерно-ролевое напряжение и предотвратить возникновение стресса. Характерно, что обычные способы решения внутриличностного гендерно-ролевого конфликта – понижение собственной самооценки и стремление к меньшей структурированности «Я-концепции» – при этом сохраняются, и этот диссонанс проявляется в противоречии между интересом к своим уникальным личностным характеристикам и ориентацией на внешние воздействия. Это может вести к появлению деликвентных моделей поведения, стремительному снижению продолжительности жизни у мужчин трудоспособного возраста, росту психосоматических заболеваний различной этиологии, к попыткам утверждения в приватной сфере за счет бытового насилия и т.п. (Костенко, 2001).

У женщин феминные характеристики сохраняются на достаточно высоком уровне, но их маскулинность возрастает. Вероятно, это связано с общей эмансипацией женщин и возросшей их активностью в социально-экономической сфере. Однако при этом наблюдается несогласование между сознательно регулируемыми и мало осознаваемыми компонентами самоотношения. Как и мужчинам, женщинам

приходится за это дорого «платить»: нами обнаружено, что уже в этом возрасте у них существует гендерно-ролевой диссонанс, аналогичный мужскому. В дальнейшем постоянное соотнесение стратегий профессионализации с гендерной ролью создает условия для напряжения в личности. Ориентируясь на внешнюю позитивную оценку и навязанный социополовой стереотип, женщина любое профессиональное или гендерное решение принимает несамостоятельно. Полученные данные позволяют говорить о том, что малоосознаваемые характеристики, от которых в основном зависит стабильность самоотношения, не могут справиться с задачей поддержания стабильного уровня у женщин. Выход, как правило, находится в предпочтении семейной (для феминных женщин) или профессиональной (для андрогинных и маскулиных) сферы для самореализации (*Здравомыслова, Арутюнян, 1988*).

Заключение

В результате проведенного исследования удалось выявить как специфически связанные с полом паттерны элементов самоотношения, так и общие для мужчин и женщин закономерности взаимодействия аффективной составляющей «образа Я».

Результаты исследования подтвердили имеющие место в социальной психологии представления об изменении доминирующего типа личности в современном российском обществе. Смена *полоролевых стереотипов* связана с изменениями, вызванными двумя противоположными тенденциями: к возрастанию роли индивидуалистических качеств и к увеличению значимости межличностных отношений.

Для подобного андрогинного типа личности характерна связь эмоционального благополучия (высоких показателей глобального *самоотношения*) с возможностью сочетать качества, ранее приписываемые разным *гендерам*. Однако по неясным по своему происхождению причинам полоролевой стереотип вступает в противоречие с глубинными интенциями в «Я-концепции». Такое рассогласова-

ние, возможно, вызвано нестабильностью наличного полоролевого стереотипа. Возможны следующие объяснения этой нестабильности:

- сконструированность, вторичность по отношению к биологическим детерминантам и характеристикам пола самого понятия *гендер*;
- чужеродность полоролевых стереотипов, доминирующих в настоящее время в нашей культуре (под влиянием западной, индивидуалистской культуры) и связанных с понятием андрогинности, так как соответствие полоролевому стереотипу андрогинной женщины и маскулинного мужчины сопряжены с развитием полоролевых диссонансов.

Генез этой нестабильности неясен: противостояние двух культур или оппозиция социальное – биологическое. Для подтверждения правильности того или иного вывода потребовалось бы провести сравнение нашей выборки с интактной в культурном плане.

Литература

Аболин Л.М. Национальное образование: принципы построения и модель // Современная языковая ситуация и психолого-педагогические проблемы развития двуязычия в Республике Татарстан: Сб. материалов научно-практ. конференции. Казань: Мастер Лайн, 1999.

Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. М., 2000.

Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне. М., 1998.

Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1988.

Костенко М.А., Костенко Н.Б. Формы организации социальной работы с мужчинами-обидчиками в России (на примере Алтайского краевого кризисного центра для мужчин) // Социальная работа в современном обществе: реалии и перспективы: Матер. межрегиональной науч.-практ. конф. «Теория, практика и образование в социальной работе: реалии и перспективы». Барнаул, 2001.

Лопухова О.Г. Влияние этнокультурных традиций на становление психологического пола личности // Вопросы психологии. 2001. № 5.

Лопухова О.Г. Психологический пол личности: адаптация диагностической методики // Прикладная психология. 2001. № 3.

Шальгина Н.В. Некоторые проблемы пуэрториканской семьи в США // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. М., 1985.

Pleck J.H. Prisoners of manliness // Psychology Today. 1981, September.

Pleck J.H. The theory of male sex-role identity: Its rise and fall, 1936 to the present // The making of masculinities / Ed. H. Brod. Boston, 1987.